

Помимо самих «пострадавших» и семьи хозяина дома, все остальные просто покатывались со смеху — это продолжалось добрых три минуты.

Гостья, вытирая слезы, спросила: — Нет, малыш, а ты-то как думаешь, чем занимается этот братик?

Ребенок, как бы мал ни был, понял, что снова ошибся. Он тут же уткнулся в мамины объятия и смущенно пробормотал: «Я не знаю».

Мама мальчика тоже была в полном недоумении. Видимо, она не знала Ци Шэцзяна — всё-таки он дебютировал совсем недавно.

Она неуверенно предположила: — Наверное... айдол? Разве среди приехавших звезд нет одного айдола?

«...» На этот раз гостье стало не до смеха.

Ее уголок рта дернулся: «...Вообще-то, это я».

Все присутствующие: — Офигеть, ха-ха-ха-ха-ха!!!

Это было неловко.

Ладно ребенок не узнал, но эта женщина видела движения Ци Шэцзяна и всё равно не осмелилась назвать его артистом сяньшэна, да еще и попутно нанесла урон гостье. Ведь единственной, кто носил титул айдола в этой компании, была именно она!

За время съемок все уже сдружились, к тому же гостья сама признала это с долей самоиронии. Теперь никто не собирался церемониться — все снова зашлись в диком хохоте, пока режиссер не был вынужден выйти, чтобы навести порядок.

Ци Шэцзян с беспомощным видом достал свою пробуждающую дощечку (синму):

— Раз пошли такие разговоры, видимо, пришло время открыть вам правду: я действительно артист сяньшэна.

Мама ребенка: «.....»

Она обиженно пробормотала: — Ну... в это правда невозможно поверить...

Ци Шэцзян придвинул стол и, глядя на всё еще улыбающуюся публику, прочел вводное стихотворение:

— В брачных книгах записан союз притворный, Враги сошлись, и узел затянут тугой. Слышится ныне сказ о душе непокорной, Что в тело чужое вошла...

Он ударил дощечкой — раздался резкий, чистый звук «па!», — и только тогда выкрикнул последние три слова: — ...не впервой!

В одиночном сяньшэне стихотворение можно дочитать и ударить дощечкой в конце, а можно оставить пару слов напоследок. Это зависит и от того, как учил наставник, и от содержания стиха — нужно попасть в эмоцию.

Как только он начал, на площадке постепенно воцарилась тишина.

По обыкновению он кратко пересказал содержание предыдущих частей для тех, кто не слышал, сделал своего рода «краткий пересказ», а затем продолжил.

— В прошлый раз мы остановились на том, что уездный судья по наводке ворвался в келью и застучал молодого господина Чжао с Ян Хаошанем. Он был уверен: поймал любовников с поличным! Чжао от громового окрика так перепугался, что свалился со стула. Ян Хаошань опустил руку, всё еще сжимая шпильку, но судья, вбежав, увидел лишь "красавицу", которая явно собиралась смыть грим и лечь спать. Судья про себя подумал: "Ах ты ж! Так вот почему ты не хотела спать со мной, оказывается, завела себе любовника!"»

Ци Шэцзян уже прилично освоился в новом времени, поэтому в его рассказе стали проскальзывать современные остроты.

— Молодой господин Чжао, будучи ученым, не раз видел "отца и мать уезда", то есть самого судью. Но откуда ему было знать, что эта прекрасная дама — супруга судьи? У него душа в пятки ушла, он давай вопить: "Это недоразумение! Я просто пил с госпожой чай, мы чисты как снег!"

А Ян Хаошань — тот еще прохвост. Он быстро сообразил: пути всего два. Либо признаться, что пришел мстить и убивать, либо принять обвинение в прелюбодеянии. В обоих случаях конец не сулил ничего хорошего. И тогда Ян Хаошань приставил шпильку к собственному горлу и запричитал: "О господин мой! Наконец-то вы пришли! Этот человек хотел обесчестить меня, я уже собиралась покончить с собой, чтобы сохранить верность!"

Друзья мои, в древности говорили: "Измена исходит из уст женщины". Стоило женщине заявить, что некто принудил ее или состоит с ней в связи — и мужчине уже не давали слова для защиты. Женщина тогда была скована жесткими рамками, и потеря чести означала социальную смерть. Если она признавалась в таком сама, считалось, что она ставит на кон свою жизнь, поэтому таким показаниям обычно верили.

От слов Ян Хаошаня Чжао просто остолбенел. Сколько бы он ни оправдывался, ему не верили. К тому же, подумайте сами: "в дынном поле не поправляй туфли, под сливовым деревом не поправляй шапку". Разве Чжао, соглашаясь на тайную встречу с женщиной наедине, в глубине души не питал никаких задних мыслей? Просто он попался судье под горячую руку.

Это была настоящая сцена в стиле «хоррор-драмы». Ци Шэцзян использовал свою подготовку в пекинской опере: пара жестов, смена тембра — и перед зрителями отчетливо предстали трое героев, а атмосфера накалилась до предела.

Судья, помня, как Ян Хаошань (в теле жены) притворялся дурочкой дома, ни на грош не поверил в «принуждение». Позор измены жег его сердце. Под предлогом обвинения в воровстве он приказал избить Чжао, заковать в кандалы и бросить в темницу. Ян Хаошаня же заперли во внутреннем дворе, чтобы не раздувать скандал и не терять лицо, отложив расправу на потом.

Ян Хаошань, хоть и не выбрался на волю, чувствовал себя превосходно. Ему и так надоело крутиться в женских покоях, а теперь он упек Чжао в тюрьму и наставил рога судье — разве не радость?

Но вскоре через уезд проезжал важный чиновник — инспектор дорог. Он остановился на день, чтобы проверить дела после недавнего пожара на амбарах. Семья ученого мужа Чжао, узнав, что их сын якобы за кражу гниет в тюрьме (а условия там такие, что в них и Ян Хаошань когда-то скончался), была в отчаянии. Что делать? Броситься к паланкину инспектора с жалобой!

Инспектор оказался человеком справедливым. Он начал допрашивать судью, тот запутался в показаниях, и инспектор велел привести ученого Чжао.

Слухи в народе ползли быстро: шептались, что почтенная супруга судьи после болезни словно лишилась рассудка и связалась с любовником — мол, не иначе как лиса-оборотень попутала.

Инспектор допросил Чжао и Ян Хаошаня по отдельности. Ян Хаошань, не привыкший к высоким чинам, испугался и выложил всё как на духу — кто он и откуда взялся.

«Судья, стоя рядом и слушая, как Ян Хаошань признается, что он мужик, просто онемел. А Ян Хаошань ему еще и подмигивает: "Господин мой, муж и жена — одну ночь прожили, сто дней верности..."» Ци Шэцзян изобразил судью: «У того лицо позеленело! Он чуть на месте не прибил этого Яна!»

Инспектор разобрался в деле, подал отчет начальству, чтобы закрыть процесс. Но если людей судить можно, то как судить духов? Инспектор приказал воздвигнуть алтарь и лично написал прошение к властям загробного мира, подав жалобу сразу на двоих — на Князя Тьмы (Янь-вана) и на уездного судью.

«Если правишь милосердием — народ процветает, если правишь насилием — жди беды. Бестолковый Янь-ван перепутал души при переселении — значит, не на своем месте сидит. Нерадивый судья развалил суды и управление — по его вине гибли невинные, пора и долги платить. Семья Чжао за ложный донос, приведший к смерти, тоже в ответе: ученому Чжао отныне путь к чиновничьим экзаменам закрыт. А Ян Хаошань, хоть и жертва, но едва не погубил честь чужой жены — вернуть его в преисподнюю на пересмотр дела, а срок жизни восстановить! Ибо сказано: за добро и зло всегда воздастся, карма не дремлет!» — Ци Шэцзян ударил дощечкой.

История «Переселение душ» подошла к концу.

В комнате повисла тишина, а затем взорвались аплодисменты.

Гости переваривали услышанное, чувствуя легкую недосказанность. Ци Шэцзян рассказывал великолепно, но сам финал заставил их немного загрустить. Современный зритель привык к «острым сюжетам», и такой классический финал с кармическим воздаянием показался им недостаточно динамичным.

Ци Шэцзян чутко уловил перемену настроения: — Что-то не так? Где-то было скучно?

Раньше, когда он рассказывал эту историю, реакция была восторженной от начала до конца. Сейчас же все медлили. Он подумал: может, вкусы изменились? Если так, он готов выслушать советы и подправить текст.

Гостья, подперев щеку рукой, сказала: — Да нет, всё хорошо... просто мне хотелось бы больше... эмоциональных связей.

Ци Шэцзян не совсем понял: — В каком смысле?

Чжан Юэ с каменным лицом пояснил: — Она имеет в виду, что если бы между Чжао, Ян Хаошанем и судьей был любовный треугольник с бурей страстей — вот тогда было бы идеально.

Ци Шэцзян: «.....»

Один из актеров-гостей приобнял Ци за плечи: — Слушай, а добавь в историю еще пару линий. Кроме их треугольника, пусть будет настоящая жена судьи, невеста Чжао, подруга детства Ян Хаошаня... Тогда у нас будут задействованы все ориентации разом.

Ци Шэцзян закрыл лицо руками: — Тогда я закончу рассказывать только к позаследующему году.

Все хором ответили: — Вот именно! По такой истории можно сериал серий на сто восемьдесят забабахать.

Ци рассмеялся. Его самый длинный цикл сяншэна занимал всего несколько десятков частей. Хотя, если подумать, в сериале играет толпа людей, там декорации и спецэффекты. А в одиночном сяншэне или сказе ты один на один с публикой, только твой голос и харизма. Это высший пилотаж, который современному зрителю иногда кажется слишком простым.

После завершения третьих съемок в эфир начали выходить выпуски второй поездки.

В первый раз совместное пение Ци Шэцзяна и Чжан Юэ вырезали при монтаже. Но на этот раз эффект был настолько мощным — это было круче любых скандалов, — что их дуэт «Зачем западный флигель» оставили в программе.

Зрители были в восторге. «Ну и ну, Чжан Юэ! Ты целыми днями подкальываешь Ци, а втихаря разучиваешь песни Ся Ивэй? Нет, не просто песни Ся Ивэй — песни, которые перепел Ци и которые сам Чжан Юэ когда-то репостил!»

Нужно знать, что из-за нападков Ци Шэцзяна в сяншэне некоторые старые мастера ворчали: мол, у парня нет профессиональной этики, он переходит границы. По правилам, объектом для шуток должен быть только твой напарник на сцене. А тут Чжан Юэ выкинул такой номер — выучил «Западный флигель»! И хотя спел он отлично, сам факт импровизированного дуэта заклятых врагов был идеален. Многие считали, что их версия звучит даже лучше оригинала.

Фанатки Чжан Юэ были в смятении:

□Юэ-гэ, скажи честно, вы с Ци на людях — лед и пламень, а наедине уже давно спелись... в прямом смысле?□

□А ты бы не спелся? Посмотри на его пластику, на это лицо...□

□Что за крамольные речи выше? Репорчу за непристойность.□

Чжан Юэ с негодованием репостнул запись: «...Я просто на мгновение расслабился, мне промыли мозги!» Из-за сложившегося имиджа большинство восприняло это как очередную забавную оплошность Чжан Юэ.

Но появилась и небольшая группа «адептов культа», которые начали шептаться по углам:

□От любви до ненависти один шаг. Химия зашкаливает. ШИППЕРЮ!□

Пришло время последней записи шоу. Как только Ци Шэцзян прибыл, режиссер отвел его в сторону и что-то прошептал на ухо. Ци кивнул. После этого режиссер объявил: в этот раз

правила меняются. Можно менять напарников по комнате, то есть провести переформирование пар.

Гости зашумели: кто-то уже привык и не хотел меняться, кто-то жаловался на храп соседа и умолял о замене. Режиссер решил добавить свежести напоследок: устроить игру, победитель которой получит право первого выбора.

Чжан Юэ оказался в сложной ситуации. В глубине души он думал: «Я уже привык спать в одной комнате с Ци, не хочу нового соседа». Надо было постараться выиграть, но так, чтобы никто не заметил, как сильно ему это важно...

В итоге Чжан Юэ всё-таки занял первое место и с деланно равнодушным видом предоставил право выбора коллегам по команде.

Се Цин и остальные не видели причин расставаться с Ци, поэтому со смехом сказали:

— Надо же подразнить старину Чжана. Мы снова выбираем Джесси.

Так что в их группе состав не изменился.

Чжан Юэ вздохнул с облегчением. Вся компания дошла до нового дома, осмотрела двор, немного задержалась... Когда Чжан Юэ вернулся, чтобы бросить вещи, он увидел Се Цин у двери комнаты, а внутри — Ци Шэцзяна.

Се Цин: — Ха-ха-ха! Ну всё, спим в одной комнате. Обожаю южную сторону.

Чжан Юэ: «.....»

Се Цин обернулась и, увидев Чжана, бодро подсказала: — Старина Чжан, спи в той комнате, там кровать большая, тебе будет удобно.

Да чтоб тебя. Чжан Юэ с потемневшим лицом ушел.

Ци Шэцзян выглянул из комнаты. Ему показалось, что Чжан Юэ расстроен. Оно и понятно: до этого они всегда жили вдвоем, ладили хорошо, а у Чжана характер вспыльчивый. И правда — Чжан Юэ в своей новой комнате начал так громыхать вещами, что стены дрожали.

Ци вскипятил воду, разбавил ее колодезной до приятной теплоты (такая вода не раздражает связки) и пошел к Чжан Юэ. Тот продолжал с шумом раскладываться. Увидев Ци, он демонстративно отвернулся.

Ци Шэцзян подошел ближе: — Го-эр, выпей водички, прежде чем начнешь тренироваться».

Чжан Юэ: «.....»

Чжан Юэ: «...Да пошел ты!!»

Ци рассмеялся: — У тебя есть талант быть напарником-комиком (пэнгуэнем).

После этой фразы Чжан Юэ уже не мог злиться — стало просто неловко. Ци подшутил над ним, используя обращение из легенды о «Верной паре» (Ян Го и Маленькая Драконья дева). В сяньшэне это классический прием — шутки на основе «семейных отношений».

Но где-то в глубине души Чжан Юэ почувствовал что-то странное...

Он встал и выпил воду: — Хватит уже. Я и так постоянно становлюсь жертвой твоих шуток, а если пойду в сяньшэн — вообще живым не уйду.

Видимо, общение с Ци не прошло даром — фраза «Да пошел ты» вылетела у него уже на автомате, как у настоящего артиста.

Тут заглянула Се Цин: — Товарищ Чжан, не надо так суетиться, грохочешь на весь дом, как при землетрясении. Будет время — сходи во двор, кур покорми...

Чжан Юэ не выдержал и в шутку отвесил ей легкий пинок: — Проваливай давай, фамилия Инь!

Се Цин: «???»

Когда съемки подходили к концу, все собрались на прощальный ужин. Ци Шэцзян по просьбе режиссера встал и объявил: — Я расскажу вам еще одну историю.

Атмосфера была душевной, все решили, что он хочет развлечь их коротким номером, и захопали. Ци достал пробуждающую дощечку и с ходу прочел стихотворение:

— Любовь слепа, три жизни путь неверный, У красных фонарей застыла тень и грусть. Перо моё — клинок в руке примерный, Чтоб разрубить обман... и пусть!

— Сегодня я поведаю вам историю о мастерах и красавицах кварталов красных фонарей времен поздней Цин и начала Республики. Дело было в Лэчжоу, на берегах реки Лэшуй, где песни звучали каждую ночь, а гости — от знати до чиновников — собирались толпами...

Зрители привыкли видеть такие заведения в сериалах, но цензура не позволяет показывать детали, да и сценаристы редко вникают в суть той жизни. Но Ци Шэцзян был другим. Восемьдесят лет назад он сам бродил по таким улицам, выступая в этих домах, чтобы заработать на хлеб. Он видел всё своими глазами. Это была старая история, но наполненная его личными наблюдениями, отчего она казалась пугающе реальной.

Вся компания слушала, затаив дыхание — это было похоже на разоблачение тайн целой индустрии.

Но спустя пару минут Чжан Юэ внезапно прервал его: — Погоди-ка.

Все уставились на него. На самом интересном месте! Зачем прерывать? Гости заволновались: прерывать выступление — дурной тон. К тому же Чжан Юэ и Ци вроде как поладили. Неужели он решил снова начать конфликт?

Чжан Юэ, почуяв неладное, спросил: — Сколько всего частей в этой истории?

Все: ?? Погодите... Не может быть...

Ци Шэцзян, поняв, что скрывать бесполезно, посмотрел на режиссера и признался:

— Режиссер Лю попросил меня рассказать... Всего здесь тринадцать частей.

Все присутствующие: «.....»

В ту же секунду все схватили первое, что попало под руку, и бросились «избивать»

режиссера: — Ты хоть совесть имеешь?!

И что им теперь делать? Слушать дальше или нет? Если слушать — а история была на самом интересном месте, где мастер должен был обучать девушек секретам выбора богатых клиентов, — то, зная Ци, в конце их ждал убийственный финал, который не даст уснуть от любопытства!

...В общем, для начала они решили всё-таки хорошенько поколотить режиссера!

<http://bllate.org/book/17028/1585749>